

Исчезновение детства

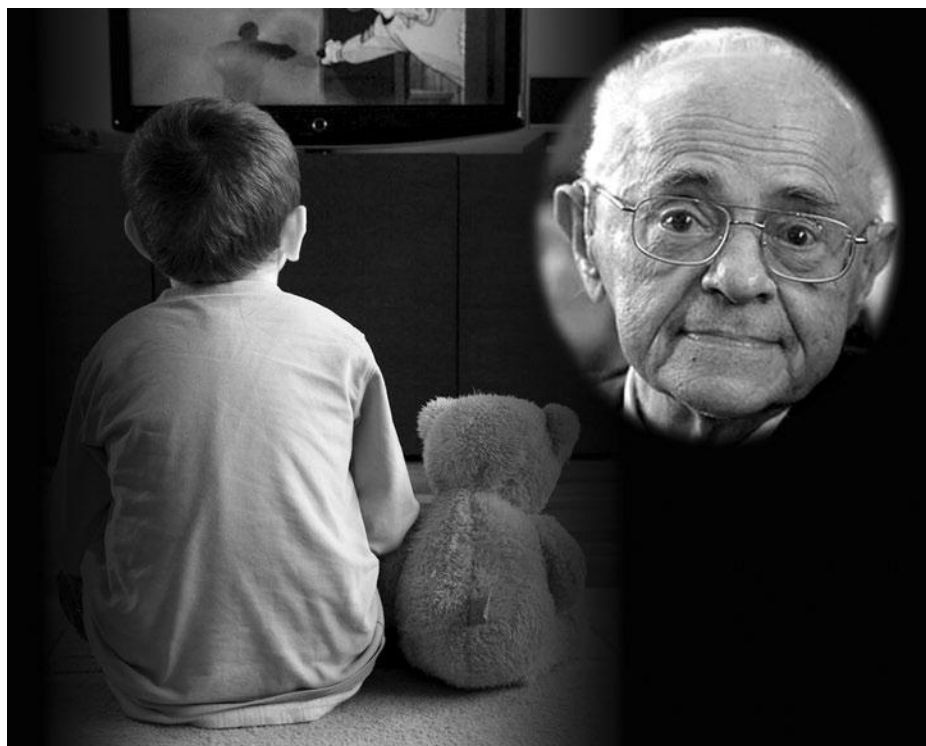
Меня постоянно занимает вопрос о глубинных цивилизационных изменениях, которые продолжают сейчас, а вышли они, видимо, из США после окончания Второй мировой войны, когда распространилось телевидение, хотя это и не было исключительно американским созидательным фактором. Я думаю об ослаблении связей между старшим и младшим поколениями, попросту говоря, между родителями и детьми. Новые времена требовали в некоторой степени новых способностей, новой ориентации, и старшие не очень сумели передать младшим традиционно зафиксированные цели, ощущение смысла жизни и так далее.

В 1980-х годах начали появляться книги, такие, как «Исчезновение детства» Нила Постмана. Я считаю диагноз, внесенный автором в название книги, основным, хотя он и не охватывает всего явления. Постман пишет — здесь я повторяю за ним, так как не знаю истории, — что было такое время, наверное, до XIV, XV века, и даже позже, когда детства как отдельной общественной категории вообще не существовало. Дети — это были такие старые малютки, и это видно на давних портретах, представляющих разные дворы: дети одеты так же, как взрослые, только биологически меньшего размера. Не было особых костюмов, школьного принуждения или экзамена на зрелость; не было никаких отличительных признаков, которые бы категорически устанавливали иерархию процесса развития и взросления. Явление выделение этого периода человеческой жизни

появилось в XVI веке, усилилось в XIX веке, а в наши времена начало снова исчезать. Этот распад был вызван прежде всего эрозией семьи. Постман ориентируется главным образом на Америку, его примеры и статистика взяты в основном оттуда, но американизация Европы по-прежнему прогрессирует, так что это явление актуально и для нас.

Факторов, которые способствовали этим изменениям, имеющим характер нивелирования общества, было очень много. Весьма существенным обстоятельством стал тот факт, что так называемая галактика Гутенберга, как выразился Маклюэн, начала меркнуть, и пришла эпоха телевидения. Телевидение в целом, независимо от того, каким является калибр отдельных программ, апеллирует к чисто визуальным способностям приема и закрепляет пассивную позицию, требует значительно меньших усилий для восприятия: не нужно учиться читать или писать, не нужна грамматика или знание языка, собственно, не нужно ничего уметь. Можно ничего не знать о Пунических войнах или о том, кем был Цезарь, и, несмотря на это, смотреть сериал, действие которого происходит в ту эпоху.

Возникло нечто вроде Молоха, влияние которого на детей ограничить очень трудно. Нежелательную книгу можно спрятать; телевизор спрятать не удастся. Попытки затруднения доступа для детей, предпринимаемые, например, в Швеции, оказались скорее безуспешными. Перенос непристойных программ на поздние ночные часы также не очень эффек-

тивен, поскольку не все родители обладают достаточно авторитарной мощью, чтобы заставить детей ложиться спать с курами.

Визуальные средства массовой информации подают новости по принципу каши, всё идет одно за другим: тут посадили министра, который что-то украл, тут Андреотти яхшается с мафией, тут землетрясение, а рядом массовая могила, потому что сербы кого-то убили. Дети смотрят на это и таким образом вводятся в мир взрослых. Постман говорит — я не хотел бы присвоить себе его центральной концепции, — что сущностью детства является тайна, что его следует охранять от наиболее мрачных сторон жизни взрослых людей: преступности, беззакония, картин насилия. Сам я испытал на себе подобную защиту, будучи ребенком, и позднее мне казалось, что произошло какое-то радикальное изменение. А на самом деле изменился не мир, а происходит массовое распространение информации.

Так что, детство исчезает, и дело

идет к некоторому роду униформизации: например, все носят джинсы, их можно носить и в восемь, и в шестьдесят лет. Все одеваются более-менее похоже, нет явного разделения на отдельные возрастные слои, и нет уже того перехода к тайнам взросления, которые были чем-то вроде защитных инъекций. Чем более общество американизируется и продвигается цивилизационно, тем дальше идет этот процесс. У семнадцатилетнего парня уже есть первый автомобиль, количество областей, в которых происходит такого рода раннее взросление, — увеличивается. С другой стороны, воспитательная беспомощность старшего поколения как бы нарастает, что связано с распадом родственных связей. Семьи, в которой садились за общий стол, здесь отец, здесь мать, здесь дети, а здесь дедушка и бабушка, и вдобавок — в соответствии с известной поговоркой — дети и рыбы не имели голоса, уже не существует. Дети, прежде всего, имеют голос!

Опубликовано в 1995 году.

Перевод с польского В. Борисова.